

V. НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ Н. С. КУРОЧКИНА

Публикация Ф. Витязева

Участие русских писателей в заграничном революционном издании Лаврова «Вперед!» (1873—1876) — одна из интереснейших литературных проблем, которая еще ждет своих исследователей. До сих пор нам пока известно о сотрудничестве в журнале «Вперед!» Г. И. Успенского (см. фельетон «Шила в мешке не утаишь», «Вперед!», 1876 г., № 25, от 15 января, стр. 3—10) и Г. А. Мачтета (см. его стихотворение «Последнее прости» — «Вперед!», 1876 г., № 33, от 15 (3) мая, стр. 284, а также корреспонденцию «Из Петербурга» в том же номере, стр. 286—288, о бегстве из Д. П. З. С. Ф. Ковалика и П. И. Войнаральского). Кроме того, имеются основательные соображения, указывающие на участие в этом органе М. Е. Салтыкова-Щедрина (см. статью «П. Л. Лавров и М. Е. Салтыков» — «Литературное Наследство», 1934 г., № 13—14, стр. 1098). В настоящее время к этим трем именам мы имеем возможность прибавить имя поэта Н. С. Курочкина.

При просмотре «Вперед!» за 1875 г. обращает на себя внимание стихотворение «В память июньских дней 1848 года» (см. № 13 от 15 июля, стр. 399—400). Под стихотворением стоит дата — «Париж, 27 июня 1875 г.» Как известно, Лавров сам очень часто «грешил» стихами. Но в данном случае не он является автором упомянутого стихотворения. Во-первых, Лавров в 1875 г. жил в Лондоне, а под стихотворением стоит — «Париж». Во-вторых, самый характер стихотворения явно не лавровский. Кто же из русских писателей мог написать это стихотворение?

Для решения этого вопроса нужно сначала выяснить другой вопрос: кто из русских поэтов в 1875 г. находился в Париже? Точный ответ на этот вопрос дают письма М. Е. Салтыкова к Н. А. Некрасову, при чем в них определенно называется имя поэта Н. С. Курочкина. Так, например, в письме из Парижа от 9 сентября 1875 г. Салтыков ему пишет: «Н. С. Курочкину поручение Ваше передал: он обещал исполнить и Вам ответить». В другом письме, от 17 октября за 1875 г. и тоже из Парижа, Салтыков сообщает Некрасову, что «Курочкин живет у Веретеникова: Rue Cadet, 4, hôtel de Hollande». И, наконец, в третьем письме, от 10 ноября 1875 г., Салтыков спешит известить Некрасова о том, что «Курочкин переехал на новую квартиру rue de l'Echiquier, 51» (см. М. Е. Салтыков-Щедрин, «Письма 1848—1889 г.» ГИЗ. Л. 1924 г., стр. 90, 97—98 и 105).

Ясно, что Н. С. Курочкин в 1875 г. действительно жил в Париже. Что именно он и есть автор вышеупомянутого стихотворения, подтверждается целым рядом соображений. Во-первых, стихотворение «В память июньских дней 1848 г.» действительно очень близко и по теме и по стику к творчеству Н. С. Курочкина. Во-вторых, личные отношения Курочкина к Лаврову могли побудить его принять участие в газете «Вперед!». Дело в том, что Курочкин был близко знаком с Лавровым еще с начала 60-х годов. Об этом довольно определенно говорят современники этой эпохи. Так, например, Штакеншнейдер в своих дневниках отмечает, что Лавров в августе 1861 г. бывал на квартире Василия Степановича Курочкина в связи с организацией Шахматного клуба (см. «Из дневников Е. А. Штакеншнейдер» — «Голос Минувшего», 1916 г., № 4, стр. 45). Не подлежит никакому сомнению, что он здесь встречался с Н. С. Курочкиным, который, как известно, был очень дружен со своим братом. Мало того, из письма поэта М. И. Михайлова к Лаврову от 14 августа 1861 г. видно, что по делам этого клуба Курочкин даже бывал на квартире Лаврова (см. «Книга и революция». П.-град. 1922 г., № 6 (18), стр. 14—15). Другой современник этой эпохи — В. В. Лесевич рассказывает, что Лавров и Н. С. Курочкин в 1864 г. выступали одновременно «на частном литературном вечере, на котором читали свои произведения» (см. «В. В. Лесевич. Страничка воспоминаний» — сборник «На славном посту», СПб. 1900 г., стр. 155). Но, кроме свидетельств современников, есть еще ряд документальных данных, указывающих на близкое знакомство Курочкина с Лавровым. Сюда прежде всего относятся показания самого Н. С. Курочкина, имею-

щиеся в деле Н. Д. Ножина, в которых он говорит о своем знакомстве с Лавровым (см. «Былое», 1924 г., № 23, стр. 52). Другой факт, относящийся к знакомству Курочкина с Лавровым, в высшей степени примечателен. 3 апреля 1866 г. скончался Н. Д. Ножин. Врач Марьянской больницы, в которой умер Н. Д. Ножин, П. К. Конради, спешит об этом известить Н. С. Курочкина, близкого друга покойного Ножина. С этой целью П. К. Конради прибегает к помощи Лаврова. Он немедленно пишет ему письмо, которое начинается следующей фразой: «Петр Лаврович! Передайте, пожалуйста, Курочкину (адрес которого мне неизвестен), что Ножин умер сегодня утром, в 8½ часов» (см. *Ibid.*, стр. 53). Является вопрос: почему в столь срочном и неотложном деле Конради обратился не к кому другому, а именно к Лаврову? Объясняется все это довольно просто. П. К. Конради был очень близок к Лаврову и довольно часто бывал у него в доме вместе со своей женой Евгенией Ивановной Конради, известной общественной деятельницей в деле женского образования. П. К. Конради великолепно знал весь круг знакомых Лаврова и все его дружеские связи. Очевидно, у Конради были весьма веские основания полагать, что Лавров находится с Курочкиным в близких отношениях, раз в столь исключительном случае он обратился именно к нему. И Конради в данном случае не ошибся в своих расчетах. Лавров немедленно переслал письмо Конради Курочкину, сделав на нем следующую приписку: «Многоуважаемый Николай Степанович, посылаю Вам в оригинале печальную записку Конради. Жалею, что молодые силы погибли рано, хотя я не сочувствовал Ножину, но искренне жалею о нем» (см. сборник «Звенья», т. II, изд. «Academia». М.—Л. 1933 г., стр. 485). Из всего сказанного мы видим, при каких исключительных условиях пересекались иногда жизненные пути Лаврова и Курочкина в эпоху 60-х годов. Не надо еще забывать, что Н. С. Курочкин в 1861 г. был сотрудником «Энциклопедического Словаря», который редактировал Лавров (см., например, его статьи: т. II, стр. 116—117 и т. III, стр. 365). В связи с этим сотрудничеством у Курочкина, несомненно, могли быть неоднократные личные встречи и свидания с Лавровым.

Сохранился, наконец, еще и другой крайне любопытный памятник дружеских отношений Лаврова с Курочкиным. Я имею в виду неопубликованное письмо Курочкина к Лаврову от 7 июля 1875 г., хранящееся в ИМЭЛ, в архиве Лаврова. Письмо это является наглядным и притом весьма убедительным доказательством того, что их дружеские отношения продолжались и в период эмиграции Лаврова. Повидимому, Курочкина не испугала революционная деятельность Лаврова, связанная с изданием нелегального журнала «Вперед!». Он попрежнему продолжал поддерживать с ним дружескую связь и переписку. Весь тон и характер этого письма подтверждают это предположение. Особенно в этом отношении интересен конец письма, где Курочкин поднимает даже вопрос о личном свидании с Лавровым. «Повидаться с вами,—пишет он ему,—хотел бы искренно и если бы был хоть несколько поздоровее, то съездил бы в Лондон».

С другой стороны, из этого письма видно, что Лавров был в курсе всех жизненных этапов Курочкина. Так, например, он не только знал, что Курочкин находится за границей, но даже имел его точный адрес для личных сношений. Мало того, он даже послал ему свой труд «Опыт истории мысли». Книгу эту Лавров рассылал, как известно, всем близким друзьям, и, очевидно, Курочкин находился в их числе, раз Лавров сделал ему этот подарок. Между прочим, эту работу Лавров послал также и К. Марксу со следующей надписью: «Учителю социалистов Карлу Марксу от автора в знак дружбы и уважения». Экземпляр этот сохранился в библиотеке Академии Наук. В нем имеется целый ряд отметок, сделанных рукою К. Маркса (см. стр. 98—120, а также стр. 104 и 106). По ним видно, что К. Маркс очень внимательно читал «Опыт истории мысли» (см. «Ленинградскую Правду» 1936 г. от 18 июня, № 139). Послал свою книгу Лавров и Ф. Энгельсу, который также сделал по поводу ее целый ряд любопытных замечаний (см. Ф. Энгельс, «Диалектика природы», изд. 6-е. Партиздат. М. 1932 г.,

стр. 32, 245, 284). Значение письма Курочкина усугубляется еще тем, что оно является единственным уцелевшим письмом из всей его переписки с Лавровым. Помимо всего прочего, письмо это относится к эпохе, когда Лавров издавал нелегальный «Вперед!», и как раз к тому году и месяцу, когда Курочкин сотрудничал в этом органе. При решении вопроса о возможности его сотрудничества письмо это имеет далеко немаловажное значение. Не надо забывать, что большинство писем к Лаврову, связанных с журналом «Вперед!», было уничтожено (см. Н. Г. Кулябко-Корецкий, «Из давних лет», М. 1931 г., стр. 228), а то, что уцелело из этой переписки, не попало в личный архив Лаврова. Эти письма надо искать в архиве «Вперед!», остатки которого после различных пертурбаций оказались, наконец, в русском социал-демократическом архиве, основанном Д. Г. Бебутовым и находящемся сейчас в Париже (см. «Летописи марксизма», М. 1930 г., № II (XII), стр. 155). Впрочем, вряд ли там могли сохраниться письма Курочкина, так как уничтожению подверглись главным образом материалы, относящиеся к легальным сотрудникам и корреспондентам «Вперед!».

Письмо Курочкина, несомненно, может вызвать ряд недоуменных вопросов. Дело в том, что из этого письма видно, что Курочкин с 7 июня по 7 июля 1875 г., т. е. целый месяц, находился в г. Диеппе. Другими словами, стихотворение «В память июньских дней» он мог написать только в этом городе. Между тем, во «Вперед!» под этим стихотворением имеется следующая вполне определенная дата—«Париж, 27 июня 1875 г.» Как объяснить это явное противоречие? Не является ли оно тем фактом, который отрицает всякую возможность авторства Курочкина? Объясняется все это довольно просто. Диепп — это курорт, известный своими морскими купаниями. Для Курочкина он явился кратковременным местожительством на летнее время. Париж же был для него постоянным местом жительства за границей. Из письма Курочкина мы видим, что он поехал в Диепп по предписанию профессора Шарко и пробыл в нем всего 1½ месяца. После этого последовала поездка в Булонь, а затем Курочкин к осени вернулся в Париж. Из писем М. Е. Салтыкова к Н. А. Некрасову видно, что он в самом начале сентября уже находился в Париже (см. М. Е. Салтыков-Щедрин, «Письма», ГИЗ, Л. 1924 г., стр. 90, 97—98). Тот же факт подтверждается также письмом Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову (см. «Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину», изд. Всесоюзной Библиотеки им. Ленина, М. 1935 г., стр. 22). Курочкину не было никакого смысла ставить под своим стихотворением г. Диепп, который являлся чисто случайным эпизодом в его жизни, в то время как Париж был для него тем центром, с которым была связана вся его литературная деятельность, как сотрудника «Отечественных Записок» по отделу иностранной жизни. Да и сама тематика стихотворения, связанная с французской революцией 1848 г., как-то невольно требовала, чтобы под ним стояло слово «Париж», в котором разыгрывались сами события, а не малоизвестный «Диепп». Это тем более понятно, если принять во внимание, что стихотворение писалось, Курочкиным специально для социалистической и революционной газеты.

У Курочкина был еще целый ряд весьма серьезных политических соображений, по которым он не мог ставить под стихотворением слово «г. Диепп». Не надо забывать, что Курочкин еще в 1862 г. состоял под секретным наблюдением царской полиции в связи с его сношениями с «лондонскими пропагандистами». После выстрела Каракозова Курочкин 12 апреля 1866 г. был арестован и 4 месяца сидел в Петропавловской крепости. 21 августа того же года он был освобожден, но подчинен строгому полицейскому надзору. А само дело Курочкина, начатое Муравьевской комиссией, тянулось целых 5 лет и было закончено лишь 7 мая 1870 г. Постоянное сотрудничество Курочкина в таком ярко оппозиционном и радикальном органе, как «Отечественные Записки», не могло не усилить тайного надзора за ним со стороны III отделения. Ясно, что все его письма из-за границы на имя редакции «Отечественных Записок» перлюстрировались. Царская полиция не могла не знать о переезде Курочкина в Диепп. Надо помнить еще, что Диепп—небольшой приморский городок, который в 1875 г.

насчитывал всего лишь 20 тысяч жителей. Русские эмигранты в нем никогда не жили, и он всегда был в стороне от всякой политической жизни. Возможно, что в 1875 г. единственным русским человеком во всем Диеппе и был только один Курочкин. При наличии всех этих условий написать под стихотворением «Диепп» было равносильно тому, чтобы поставить под ним полную подпись Курочкина. Сделать подобный акт политического самоубийства Курочкин, конечно, не мог, и он предпочел датировать свое стихотворение словом «Париж», прекрасно зная, что этот крупнейший город Европы является одним из центров русской политической эмиграции. Как увидим ниже, Г. З. Елисеев считал, что даже слово «Париж» в данном случае было опасно для Курочкина в политическом отношении.

Есть еще одно косвенное соображение, указывающее на авторство Курочкина. Официальный историк русского революционного движения Н. Н. Голицын определенно называет Н. С. Курочкина в числе сотрудников журнала «Вперед!» (см. «Историю социально-революционного движения в России 1861—1881 гг.», глава X, СПб. 1887 г., стр. 61). Правда, источник этот, составленный исключительно на основании «секретных», «агентурных» и иных сведений, всегда требует тщательной проверки, но в данном случае указание жандармского историка Н. Н. Голицына не только не противоречит, но целиком совпадает с другими фактами, определенно говорящими нам за участие Курочкина в журнале Лаврова.

В заключение приведем еще одно соображение, подтверждающее авторство Н. С. Курочкина. Мы имеем в виду крайне интересное место из письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову от 12 июня 1875 г. Написано оно из Берлина, где в руки Елисеева попал «Вперед!». Вот что пишет в нем Елисеев: «прочел здесь несколько №№ газеты «Вперед!». В № 13 стихотворение: «В память июньских дней 1848 года». Стоит только знакомому немножко с нашей литературой прочитав это стихотворение, чтобы знать, кому оно принадлежит. Хоть бы подписал бы под ним: Сан-Франциско, Нью-Йорк, Иедло, одним словом, — что угодно, только не Париж. Нет пишет непременно: Париж. Такие все чудачки!» (См. «Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину», изд. Всесоюзной Библиотеки им. Ленина, М. 1935 г., стр. 20. Между прочим, в примечании к этому письму комментатор И. Р. Эйгес на стр. 200 вполне правильно высказывает предположение о принадлежности этого стихотворения Н. С. Курочкину).

Из письма Елисеева прежде всего ясно видно, что автор стихотворения не эмигрант, а какой-то известный русский писатель, которого даже очень легко узнать. Это обстоятельство несомненно тревожит Елисеева, и в письме его определенно проскальзывает опасение за судьбу автора. Именно эта тревога и вызывает у него возмущение против самого автора, который не умеет соблюдать основных правил литературной конспирации. Невольно возникает вопрос: не является ли анонимный автор стихотворения близким для Елисеева человеком, если он так легко узнает его произведения, да к тому же еще тревожится за его судьбу? И, наконец, второй вопрос: почему Елисеев даже написал об этом М. Е. Салтыкову? Не является ли анонимный автор их общим знакомым, которого они оба хорошо знают?

Все эти вполне законные вопросы получают немедленное разрешение, если признать, что автором анонимного стихотворения является Н. С. Курочкин. Дело в том, что для Елисеева Н. С. Курочкин был очень близким человеком по их многолетней, совместной работе в «Искре». Именно Елисеев пригласил затем Курочкина сотрудничать в «Отечественных Записках» с момента перехода их в 1868 г. от А. А. Краевского в руки новой редакции, состоящей из Н. А. Некрасова, Г. З. Елисеева и М. Е. Салтыкова. Не надо еще забывать, что в 1875 г. Н. С. Курочкин находился в Париже, как специальный сотрудник «Отечественных Записок» по отделу иностранной жизни и литературы, о чем разумеется, прекрасно знали и Елисеев и Салтыков.

После сказанного становится понятным, почему Елисеев, взявши «Вперед!», сразу обратил внимание на стихотворение «В память июньских дней 1848 года»

и, узнав анонимного автора, проявил такую тревогу по поводу его плохо законспирированного сотрудничества в журнале «Вперед!» и немедленно сообщил об этом Салтыкову.

Думаем, что приведенные соображения дают достаточные основания признать Н. С. Курочкина автором анонимного стихотворения «В память июньских дней 1848 года», которое, несомненно, является любопытным памятником русской революционной поэзии 70-х годов.

В ПАМЯТЬ ИЮНЬСКИХ ДНЕЙ 1848 ГОДА

Нету работы... семья голодает...
 Двое малюток припали к отцу,
 Рвут на нем платье, есть просят, рыдают...
 Мать на них молча глядит и страдает...
 «Полноте, дети,—отец утешает—
 Наши страдания приходят к концу:
 Хлеба нам или свинцу
 Завтра республика дать обещает».

Сдвинуты брови, и скрещены руки
 На молодецкой широкой пруде,
 Люди по улицам идут, и звуки
 Песни их прозной исполнены муки:
 «Завтра раздастся здесь гром боевой;
 Знайте же, братья: вас ждет впереди
 Хлеб на столе или пуля в груди
 После борьбы роковой!»

Знамя над прудою камней взвивается...
 Строит народ баррикаду...
 Завтра он здесь умирать собирается.
 Здесь для свободы алтарь воздвигается;
 Здесь новой жизни заря загорается.
 Людям грядущим в урок!
 Будет героям награда
 Пуля иль хлеба кусок!...

Тени ночные спустились над зданьями...
 Полон решимости мрачный народ:
 Завтра он кончит с своими страданиями!
 Полный надеждами и ожиданиями,
 Жаждою полный борьбы,
 Целую ночь он очей не сомкнет.
 Завтра он хлеб или пулю возьмет
 С бою у грозной судьбы!...

Париж, 27 июня 1875 г.